

«ТЕРРИТОРИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ»: ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) И ДЕПОРТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ ЗАПАДА В 1930-Е ГОДЫ

Деннингхаус Виктор, д.и.н., профессор
Нордост-институт при Гамбургском университете
Люнебург, Германия

Одной из специфических особенностей нацмен Запада (немцы, поляки, латыши, литовцы, эстонцы, финны и др.) являлось проживание части из них в «стратегически» важных регионах страны, и прежде всего – в западном приграничье Союза ССР. При этом необходимо учитывать, что усилия Центра по упрочению социально-политического контроля в полосе западной границы были направлены на решение весьма широкого спектра проблем: от переправки оружия на воздушных шарах в Финляндию и «фильтрации» польских батраков, в поисках работы проникавших в СССР, до массовых арестов священнослужителей «западных» конфессий и образования либо ликвидации национальных сельсоветов и районов.

Руководство советского государства на заре советской власти было твердо убеждено, что национальный фактор представляет собой довольно действенный «эмоциональный рычаг», который можно и нужно использовать в рамках «стратегического» курса на мировую революцию, всецело учитывая проявления «национальной идентичности» [1, с. 37-38]. Поэтому, не вызывает особого удивления тот факт, что в начале 1920-х годов в СССР был выдвинут постулат об активном использовании «этнических связей» для усиления и распространения советской идеологии на соседние государства. С этой целью, к примеру, были созданы автономные Молдавская и Карельская республики, Республика немцев Поволжья, расширена территория Белорусской ССР и активно проводилась в жизнь широкомасштабная политика «украинизации» [2, с. 829-832]. Остается добавить, что и отдельные «специальные мероприятия» Центра по укреплению погранполосы в 1920-е – начале 1930-х годов зачастую диктовались лишь *«политической задачей показа сущности достижений Советской системы, особенно в области национальной политики, трудящимся, живущим по другую сторону границы»* [3, с. 493]. В числе подобных «мероприятий» в первую очередь следует назвать создание «показательных» национальных районов вблизи советско-польской границы: двух польских – им. Ю. Мархлевского (1925–1935 гг.) и им. Ф. Дзержинского (1932–1937 гг.), а также немецкого – Пулинского (1929–1935 гг.) [4, с. 302; 5, с. 56-58]. В свою очередь, логика подобной политики предусматривала также реальную возможность обратного процесса, что фактически и стало первопричиной ярко выраженного негативного отношения к любым зарубежным представительствам (организациям) и иностранцам в Советском Союзе. События конца 1920-х гг. (попытка массовой эмиграции советских немцев и появление авторитарных враждебных режимов в Германии, Японии, Центральной и Восточной Европе) окончательно убедили советское руководство в том, что *«отдельные текущие национальные группы»* могут представлять потенциальную угрозу безопасности страны, что и определило их дальнейшую судьбу.

Одной из причин репрессий в отношении нацмен Запада Терри Мартин назвал *«советскую ксенофобию»* – преувеличенный страх и настороженность перед лицом «заразы» извне [1, с. 37]. Особенно четко подобные настроения проявились в начале 1930-х гг., когда кремлевское руководство активизировало усилия по блокированию любого, нежелательного для Москвы, трансграничного взаимодействия определенных этнических групп населения, потенциально подходивших на роль пресловутого «тройского коня». Причем практические задачи и степень важности действий по разложению «политического

тыла» вероятных противников, их приграничных «плацдармов» существенно разнились в зависимости от особенностей отдельных стран и от того места, которое они занимали в советских сценариях будущей войны [3, с. 492–493]. Слабые успехи советизации западных нацмен, поступательный рост многочисленных некоммунистических и религиозных организаций в их среде, а главное – активное сопротивление политике советской власти грозили превратить их в своеобразных «тройных коней» враждебных СССР государств [6, с. 311–343]. Другими словами, Центр не исключал возможности коллаборационизма этих национальных групп в случае начала активных военных действий на западной границе СССР [7, л. 40].

Неудивительно, что в решениях Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) по западному приграничью, напрямую затронувших представителей нацмен «буржуазных империалистических государств» (поляков, эстонцев, немцев, финнов и т.д.), проявилась своеобразная тенденция «одомашнивания» данного региона, понимаемой Центром весьма однозначно – как полный контроль над территорией [3, с. 500; 8, с. 90–93]. Если в 1920-е годы «одомашнивание» западного приграничья в СССР заключалось в попытках «советизации» местного населения (расслоение крестьянства, вовлечение его в советское и культурное строительство, создание актива и т.п.), то в 1930-е годы этот процесс сопровождался «профилактическими» депортациями «ненадежных» диаспор и увеличением, как правило, доли славянского населения [9, л. 2–3; 10, с. 51–54]. Подобная идея защиты границ не была новой. Она прослеживается еще с XIV в. при расселении русскоязычного населения – казаков на самых «уязвимых» рубежах Российской империи, для «сторожевой» службы [11, с. 452–454]. В период Первой мировой войны концепция «одомашнивания» приграничных территорий была проверена российским военным руководством на практике. По разным оценкам, депортациям в западных губерниях Российской империи подверглись около одного миллиона человек, большую часть из которых представляли «неблагонадежные народы» – немцы, поляки и евреи [8, с. 27].

Планы «одомашнивания» приграничья были не чужды и большевикам. 17 сентября 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло обширное постановление, ставшее прообразом последующих многочисленных решений на этот счет. Его исходным пунктом являлся тезис об *«исключительном положении и значении пограничных районов, как в военно-стратегическом, так и в политическом отношении...»* [12, л. 127]. При этом в числе основных экономических мер для укрепления приграничья предлагалось снизить сельхозналог, активизировать мелиоративные работы, восстановить основные отрасли промышленности, увеличить финансовую поддержку кооперации и т.д. Что касается основных политических мер в этом важном «стратегическом регионе», то здесь, в первую очередь, акцент делался на увеличении общей численности коммунистов и активном вовлечении населения в советское строительство, организации национальных сельсоветов и национальных школ, снабжении приграничных районов национальной литературой и т.д. Вместе с тем, Политбюро ЦК РКП(б) поручило Колонизационному Комитету *«в срочном порядке рассмотреть вопрос о возможностях переселения избытка населения из пограничной полосы...»* [12, л. 129].

Бесспорно, что спокойствие на границах было необходимым условием успеха «революции сверху», начатой генсеком Сталиным. Поэтому к подробному рассмотрению положения в западном приграничье, Политбюро ЦК ВКП(б) вернулось вновь в начале 1930 г., под нажимом крестьянских антиколхозных выступлений в прилегающих к границе с Польшей округах УССР и БССР [3, с. 82]. Причем первый удар был нанесен именно по польскому населению, репрессии против которого были поставлены в самый центр деятельности партийных и советских инстанций «по укреплению» погранполосы. Несмотря на сложившееся мнение о том, что депортации в этот период *«не имели национальности»* и шли под флагом ликвидации кулачества как класса, есть все основания утверждать, что в западном приграничье они приняли явно выраженный «этнический характер». Непреклонная вера в эффективность простых решений сложных вопросов четко проявилась

в упорных усилиях Центра удалить из пограничных регионов лиц «неблагонадежных» национальностей, проживание которых в данных местностях рассматривалось московским руководством как потенциальная угроза для государственной безопасности [3, с. 518]. Необходимо пояснить, что на практике высылка или переселение применялись к лицам, которые считались «подозрительными», но к индивидуальным карательным действиям против которых (арест и суд) режим был либо не готов, либо не считал их целесообразными. Другими словами, депортации отдельных национальностей задумывались Москвой как «профилактические мероприятия» для изоляции тех этнических групп, которые в данное время и в данном месте могли нанести потенциальный вред интересам существовавшего режима [1, с. 40]. Вместе с тем, «очищение» приграничных местностей от широкого круга обвинявшихся или подозреваемых в предательских помыслах представителей нацменьшинств Запада фактически приравнивало их к преступникам, контрреволюционерам, и так называемым «подрывным элементам».

Указания директивных органов о масштабах и формах проведения репрессий в западных республиках СССР и приграничной полосе в начале 1930 г. неоднократно менялись. Так, 24 января Политбюро ЦК КП(б)У направило окружкомам директиву о раскулачивании к 15 марта около 150 тыс. крестьянских хозяйств и высылке за пределы УССР около 60 тыс. хозяйств. Причем подобные «мероприятия» против кулаков предписывалось, в первую очередь, провести именно «в пограничной полосе» [13, с. 143-144]. На практике выселению подвергались не только кулаки, но и так называемые «подкулачники», т.е. середняки, бедняки и даже батраки, уличенные или подозреваемые в антиколхозных действиях. В связи с тем, что органы ОГПУ СССР не справлялись с подготовкой новых мест поселения, уже в начале февраля 1930 г. квота высылаемых с Украины была сокращена до 20 тыс. семей, а сроки операции продлены до середины апреля [13, с. 51-52]. 5 марта 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило особо секретное постановление «О польских селениях в приграничных областях», которое не только подтверждало приравнивание в отношении проводимых репрессий двенадцать западных пограничных округов Белоруссии и Украины (включая АМССР) к районам сплошной коллективизации, но и «подкорректировало» директиву ЦК КП(б)У, существенно увеличив численность насильственно выселяемых персон- «из Белоруссии – 3–3,5 тыс. семейств и из Украины – 10–15 тыс. семейств». При этом наряду с двумя указанными группами «классовых врагов», выселению должна была подвергнуться и третья – польские семьи бедняков и середняков, «*пребывание которых около границы [...] будет признано опасным*» [14, л. 109-110].

В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1930 г. «О польских селениях в пограничных областях», распространявшемся исключительно на территорию Украины и Белоруссии, не была забыта и советско-финская граница. В последнем пункте данного постановления особо подчеркивалось: «*Предложить ОГПУ обследовать положение в пограничных районах Ленинградской области*» [14, л. 110]. Весьма показательным, что за день до этого (4.03.1930) Ленинградский обком партии, возглавляемый членом Политбюро ЦК ВКП(б) Сергеем Кировым, принимает «свое» постановление «О мероприятиях по укреплению пограничных районов», послужившее основой массового выселения финского населения из Северной Ингерманландии, непосредственно граничившей с Финляндией [15, с. 71-72]. В результате проведенных Кировым «*мероприятий по укреплению пограничных районов*» с Финляндией, количество высланных финнов-ингерманландцев к началу 1931 г. составило около 18 тыс. человек, были полностью ликвидированы восемь финских, семь ижорских и три эстонских сельсовета [15, с. 72].

Приход к власти нацистов в Германии в 1933 г. вызвал кардинальные изменения во внешней политике, разрабатываемой и проводимой Кремлем в 1920-е годы. По мере того, как упрочивалась власть нацистов в Германии и росло их международное значение, усугублялись и тоталитарные явления в СССР в отношении выявления представителей «пятой колонны» [16, с. 35]. Не случайно главными жертвами национальных «операций» в 1930-е

годы стали этнические меньшинства, представлявшие нации из граничивших с СССР «буржуазно-фашистских» государств Запада: немцы, поляки, финны, эстонцы, латыши и др.

Начало новому широкомасштабному витку репрессий, разработанного и направляемого из Кремля, положило убийство Сергея Кирова 1 декабря 1934 г. Причем волна сталинского террора захватила не только членов партии и бывших оппозиционеров. Именно в этот период, с прямой подачи Политбюро ЦК ВКП(б), была вновь продолжена работа по «этнической» чистке погранрайонов от «контрреволюционного элемента», вскоре вылившаяся в массовые депортации десятков тысяч «потенциальных коллаборантов» – немцев, поляков, финнов, эстонцев и т.д.

Первыми под прицелом Кремля оказались представители немецкого меньшинства. Неприятие ими большевистской идеологии, стремление покинуть СССР, многочисленные апелляции за помощью к эмигрировавшим родственникам и знакомым, получение материальной помощи и моральной поддержки из-за границы и т.п., вынуждало Кремль принимать по отношению к немцам специальные меры. Особую тревогу у руководства ВКП(б) вызывало и их проживание в стратегически важном регионе – западном приграничье. 20 октября 1934 г., генеральный секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор сделал официальный запрос в Москву на разрешение выслать из приграничных районов *«злостный кулацкий элемент»* вместе с семьями, в первую очередь поляков и немцев [17, с. 270]. Ответ не заставил себя долго ждать. Уже через 10 дней, 31 октября 1934 г., появилось совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «об Украине», в котором давалось добро на высылку *«с пограничной полосы УССР от 500 до 1000 семей единоличников»*, с одним условием – заменой их *«надежными элементами»* [18, с. 571]. 23 декабря 1934 г. секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор лично направил Сталину докладную записку, в которой просил утвердить разработанные ЦК КП(б)У меры по очистке погранполосы от *«неблагонадежного и антисоветского элемента»* в районах и селах с польским и немецким населением. Операцию в 24-х погранрайонах предлагалось провести в два этапа: 1) выслать на север около двух тысяч хозяйств; 2) переселить в восточные районы Украины около девяти тысяч хозяйств. «Одомашнивание» приграничья должно было пройти по старой, разработанной схеме: на место «неполярных» нацмен предлагалось переселить украинцев – *«лучших колхозников и активистов»* из Киевской и Черниговской областей (около 4 тыс. семейств), а также две тысячи *«демобилизуемых красноармейцев»* [18, с. 582-583]. Через четыре дня после поступления данной записки Сталину, Политбюро ЦК ВКП(б) своим постановлением «Об Украине» (27.12.1934) санкционировало просьбу ЦК КП(б)У, утвердив все предложенные «лимиты» [19, л. 101]. С 20 февраля по 10 марта 1935 г. из приграничных Киевской и Винницкой областей в восточные области республики были переселены 41.650 человек (8.329 семей), из которых около 60% составляли поляки (2.886 семей) и немцы (1.903 семей) [2, с. 848; 20, с. 75]. Особенно пострадал в результате депортаций польский район им. Мархлевского, из которого весной 1935 г. было выселено 1.188 *«ненадежных»*, преимущественно, польских хозяйств [18, с. 88]. В целом, по дополнительным лимитам, из приграничных районов Украины осенью 1935 г. было выслано еще около 1.500 хозяйств *«ненадежных этносов»* [2, с. 848-849]. Заключительным аккордом всех этих «операций» явилось расформирование с одобрения Политбюро ЦК ВКП(б) находившихся в приграничной Волыни польского и немецкого национального районов (Мархлевского и Пулинского) *«в связи с экономической слабостью»* в сентябре 1935 г. [21, л. 54-55].

Не была обделена опекой Кремля и Белорусская ССР. Еще в июне 1935 г. (12.06.) на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение «О мероприятиях по усилению охраны границы БССР», где основное внимание уделялось очистке пограничных округов и районов республики. Причем наряду с арестами и высылкой *«враждебного элемента, подозреваемого в шпионаже»*, было решено, по примеру Украины, *«переселить из погранполосы 2000 семейств неблагонадежного элемента с высылкой их за пределы Белоруссии»* [18, с. 674]. Под «неблагонадежным элементом», как правило, подразумевались

представители нацмен Запада – поляки и немцы. На этом, однако, «одомашнивание» западных границ не закончилось.

25 ноября 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У принимает новое постановление «О переселении польских и немецких хозяйств из приграничной территории», в соответствии с которым надлежало создать комиссию для подготовки переселения 6–7 тыс. хозяйств, но уже за пределы Украины, а с января 1936 г. руководство НКВД СССР приступило к разработке планов по переселению «*неблагонадежных элементов*» с западных границ Украины в Казахстан [20, с. 76-77; 22, с. 27-29]. Выступая на январском 1936 г. пленуме ЦК КП(б)У народный комиссар внутренних дел Украины В.А. Балицкий заявил об особом интересе Гитлера к приграничным районам Украины, где находились четыре немецких национальных района, и возможности создания в них фашистских «опорных пунктов» [20, с. 61].

17 января 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело особо секретный вопрос «О погранрайонах УССР», а через два месяца, 15 марта 1936 г., Политбюро ЦК КП(б)У приняло «свое» постановление «О переселении в Казахстан». Районы переселения и точное число были конкретизированы в отдельном постановлении Политбюро ЦК КП(б)У от 9 апреля 1936 г. «О переселении 15 тыс. семей с Киевской и Винницкой областей в Казахстан» [20, с. 76-77; 23, л. 50]. Последнее слово, как всегда, оставалось за Москвой: 28 апреля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вновь рассмотрело под грифом «совершенно секретно» вопрос «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР польских и немецких хозяйств» [24, с. 762]. В общей сложности переселению в Казахстан должны были подвергнуться около 45 тыс. чел. из приграничной зоны Украины. В два приема – в июне и сентябре 1936 г. – из украинского приграничья в общей сложности было выселено 15 тыс. хозяйств (69.283 чел.), из которых поляки составили – 75,7%, немцы – 23,4% и украинцы – 0,8% [25, с. 69-70].

Практически одновременно с Украиной, акции высылки «ненадежных» этнических групп прошли и в северо-западном приграничье [26, с. 94-95]. Десятого марта 1935 г. руководство Ленинградского обкома партии заявило о необходимости «зачистки» приграничных районов Ленинградской области и Карелии от «контрреволюционного элемента», включая выселение из пограничной полосы финнов, карелов, ингерманландцев и других «неблагонадежных этносов» [27, с. 231-232]. 15 марта 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б), в свою очередь, утвердило «Мероприятия по усилению охраны границ Ленинградской области и Карельской АССР», предусматривавшие выселение всего «*неблагонадежного элемента*» из пограничных районов Ленинградской области и Карельской АССР в Казахстан и Западную Сибирь [28, л. 149]. Общее количество ингерманландских финнов, высланных в 1935–1936 гг., оценивается в 26–27 тыс. человек [15, с. 73]. Причем только из одного финского, Куйвозовского района, было выселено около 22 тыс. человек [2, с. 849-850]. В результате депортационных мероприятий общая численность населения приграничных территорий с Финляндией значительно сократилась: около 50 деревень в приграничных местностях Карельского перешейка были полностью очищены от финского населения [27, с. 234]. К октябрю 1938 г., по данным НКВД, в пограничных районах Карелии, осталось всего 1.350 финнов [29, с. 198]. Параллельно с «финской операцией» проводилась и «чистка» эстонского населения, как жителей Ленинграда, так и проживавших в местностях Ленинградской области, непосредственно граничащих с Эстонией. В общей сложности около 20 тыс. эстонцев подверглись в этот период репрессиям, включая их насильственное переселение в Среднюю Азию [27, с. 235].

Сталинские депортации, как верно подметил Терри Мартин, отличались категориальной и профилактической направленностью. Они носили категориальный характер, так как для представителей властей было совершенно неважно, в чем конкретно заключалась вина высылаемого и нарушил ли он вообще закон, главным являлось его принадлежность к «неблагонадежной» категории населения. Профилактический характер подобных высе-

лений состоял в том, что они использовались лишь для того, чтобы убраться подальше человека, который, предположительно, мог совершить уголовно наказуемое деяние. Другими словами, жертву спрашивали не «что ты совершил?», а «кто ты?» [1, с. 26].

С началом войны с Германией «границы» СССР изменялись с такой быстротой, что его руководство не раздумывая отдало приказ приступить к насильственному переселению целых «нелояльных» народов. Причем эти депортации являлись наказанием даже не за потенциальный коллаборационизм, а только за «принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война» [30, с. 136]. На основе данной доктрины, в восточную часть страны были переселены немцы, финны и греки. Общее число превентивно-депортированных в 1941–1942 гг. составило около 1,2 млн. человек [8, с. 116].

Бесспорно, что массовые депортации 1940-х годов были просто невыносимы без предшествовавших им депортаций национальностей в 1930-е годы, узаконивших не только практику террора, направленного против определенных этнических групп, но и саму концепцию «нации-врага». Особое отношение Центра к представителям некоренных национальностей вообще, и к западным национальностям – в частности, постепенно выкристаллизовывалось в рамках общей репрессивной политики уже с начала 1930-х годов. Доступные на сегодняшний день материалы руководящих партийных и советских органов, в том числе «особые протоколы» заседаний Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б), позволяют утверждать, что «приграничные чистки» по этническому признаку не были стихийной акцией или действиями местного аппарата власти, стремившегося отвести от себя удар, направив террор против многочисленных «козлов отпущения». Они были целенаправленной операцией, спланированной и проводимой в рамках всего государства, по инициативе и под контролем высшего партийного руководства СССР – Политбюро ЦК ВКП(б). Постепенное укрепление среди представителей «Кремлевского олимпа» и лично генсека Сталина идеи, что каждая нация имеет свои генетические корни, существенно облегчило формирование представления о «нации-враге» с изначально присущей ей негативными свойствами [31, с. 348-367]. «Советская ксенофобия» по отношению к иностранцам вызвала «профилактические» массовые высылки этнических меньшинств, представлявших титульные нации граничивших с СССР «буржуазно-фашистских» государств, невзирая на то, что подобная политика вступала в прямое противоречие с большевистской идеологией интернационализма.

Список литературы

1 Мартин, Терри: Террорпротивнаций в СоветскомСоюзе. // Коммунизм, террор, человек. Составитель С. Кройсбергер и др. Киев 2001, с. 33-42.

2 Martin, Terry: The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. In: The Journal of Modern History 70 (1998), с. 813-861.

3 Кен, О.Н. – А.И. Рупасов: Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. СПб. 2000.

4 Козырева, М.Э.: Немцы крайной юга Украины 1920-х–1930-х гг. как национальные административно-территориальные единицы. // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М. 2000, с. 298-304.

5 Sobczyński, Marek: Polska autonomianarodowościowa w ZSRR. // Mniejszość polskie i polonia w ZSSR. Wrocław, Warszawa, Kraków 1992, с. 53-59.

6 Martin, Terry: The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.

7 Переработанная стенограмма выступления секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Чаплина, от 30.05.1927 г. Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ, ф. 1–МО, оп. 23, д. 713, л. 40.

- 8 Полян, П.: Непосвоеволе. История и география принудительных миграций в СССР. М. 2001.
- 9 Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б), от 27.08.1923 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 112, д. 475, л. 2–3.
- 10 Лаллукка, Сеппо: Штрихи к этнической карте Северо-Запада России (1926–1959 гг.). // В семье единой. Под редакцией Т. Вихавайнена – И. Такала. Петрозаводск 1998, с. 42–65.
- 11 Казачество. // Отечественная история. История России с древних времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 2. М. 1996, 452–454.
- 12 Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) подкладу Комиссии по обследованию пограничной полосы, от 17.09.1925 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 113, д. 171, л. 127–129.
- 13 Васильев, В. – Линн, В.: Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.). Винница 1997.
- 14 Протокол № 119 (особый № 117) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.03.1930 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 8, л. 109–110.
- 15 Суни, Лео: Ингерманландские финны. // В семье единой. Под редакцией Т. Вихавайнена – И. Такала. Петрозаводск 1998, 66–82.
- 16 Чуев, Ф.: Каганович. Шепилов. Досье. М. 2001.
- 17 Кривец, Н.В.: Депортация немцев с Украины в 1930-х – начале 1940-х гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М. 1998, 267–272.
- 18 Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. Под ред. А. Яковлева. М. 2003.
- 19 Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 18, от 27.12.1934 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 101.
- 20 Евтух, В. – Б. Чирко: Німці в Україні. Київ, 1994.
- 21 Протокол № 33 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 29.09.1935 г. [опрос от 21.09.1935 г.]. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 971, л. 54–55.
- 22 Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. Hg. v. Alfred Eisfeld – Victor Herdt. Köln 1996.
- 23 Протокол № 36 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 9.02.1936 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 974, л. 50.
- 24 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Под ред. Г.М. Алибекова. Т. II. М. 2001.
- 25 Сталинские депортации. 1928–1953. Сборник документов. Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. Н.Л. Поболь – П.М. Полян М. 2005.
- 26 Старков, Борис: Инструментарий национальной политики ВКП(б) и его применение. // В семье единой. Под редакцией Т. Вихавайнена – И. Такала. Петрозаводск 1998, 83–98.
- 27 Мусаев, В.И.: Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. Кишинев, СПб. 2001.
- 28 Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 23 от 3.04.1935 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 149.
- 29 Такала, Ирина: Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. // В семье единой. Под редакцией Т. Вихавайнена – И. Такала. Петрозаводск 1998, 161–206.
- 30 Бугай, Н.Ф.: Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». Составитель Н.Ф. Бугай. М. 1995.
- 31 Martin, Terry: Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism. In: Stalinism. New Directions. Edited by Sheila Fitzpatrick. London, New York 2000, 348–367.